

Несомненно, с митрополитом должен был прибыть целый греческий клир, который и привез с собой собрание книг для перевода»¹.

Иногда указание на время и место перевода встречаем в гlossenах переводчика. Так, например, все списки «Космографии» Ортелиуса в главе об Азии имеют фразу: «...до державы великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии, его великого государства». Есть указания на Москву: «Камень копают, который на Москве нарицают аспид»².

Если в переводе нет обычных прямых и косвенных указаний на место и время перевода, которые могут быть извлечены из содержания памятника, и отдельных замечаний переводчика, то наиболее весомые указания извлекаются из анализа языка перевода. Эти указания могут быть усмотрены в лексике и в формах языка, свойственных той или иной эпохе, и в диалектизмах.

Так, например, частные лексические совпадения «Девгениева деяния» с южнорусскими летописями XII — начала XIII в. позволили М. Н. Сперанскому обосновать свое предположение о том, что перевод «Девгениева деяния» был сделан еще в домонгольской Руси на юге или юго-западе³.

С летописным языком сравнивал язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия И. И. Срезневский, определяя его русский характер и древность⁴. Окончательные доказательства русского домонгольского (не позднее XII в.) происхождения перевода «Истории Иудейской войны» дал Н. А. Мещерский и, опять-таки, по преимуществу на основании данных лексики⁵.

В целом приходится повторить то, что было сказано ранее: исследователь переводных произведений должен быть хорошо знаком с историей языка.

Установление оригинала, с которого сделан перевод

Одна из самых трудных проблем в изучении переводных произведений — это проблема установления того текста, с которого делался перевод. Применительно к своему материалу И. Е. Евсеев пишет: «Только через

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. С. 465. См. также: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975. Гл. 2 и 5.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 58–59.

³ М. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. С. 78 и др.; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962. С. 59–89.

⁴ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI–ХС. СПб., 1879. С. 133–144.

⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 90–121.

точное научное освещение оригиналом могут быть уяснены достоинства перевода, его историческая жизнь и развитие»; «уяснение точного вида древнеславянских переводов Библии возможно только на основании твердо установленного греческого современного им библейского оригинала»; «Кирилл и Мефодий были официальными миссионерами Константинопольского патриархата IX в. От них остались библейские переводы. Эти переводы неизвестны, их требуется выделить из массы других переводов и позднейших исторических наслойений. Научный метод естественно побуждает при восстановлении этих переводов прибегнуть к сопоставлению их с греческим оригиналом IX в.»¹. Только после такой работы можно обращаться к изучению судьбы перевода на славянской почве. Конечно, найти самый оригинал, с которого делался перевод, можно только в исключительных случаях (такие случаи есть, и мы к ним еще вернемся), но необходимо стремиться по крайней мере установить редакцию текста, его тип. Это, конечно, требует особых исследований специалистов. Если нет специальных текстологических исследований произведения, послужившего для перевода, — необходимо пользоваться возможно большим числом списков этого произведения в оригинале. Применительно к греческим текстам произведения, переведенного на один из древнеславянских языков, В. М. Истрин пишет: «Почти всегда приходится пользоваться несколькими списками и несколькими редакциями греческого оригинала, так как почти нет случая, чтобы какой-нибудь славяно-русский памятник буквально совпадал с каким-либо одним греческим списком. Чем больше, конечно, берется греческих списков, тем яснее обрисовывается характер перевода»².

Это не значит, конечно, что текстолог древнерусской литературы должен сам заниматься историей текста памятника на языке оригинала. В. М. Истрин пишет по этому поводу: «...анализировать самый состав памятника, сопоставлять его с "другими аналогичными произведениями по выяснении литературной истории последних" — это составляет совершенно особую задачу, неисполнение которой славист, в интересах собственно своей науки, не поставит исследователю в вину»³. Дело, однако, не только в том: можно или нельзя «поставить в вину» текстологу занятие чужим для него материалом, но и в том, что историей текста иноязычного памятника может заниматься только специалист в данной области. Занятия не по специальности крайне вредны в науке.

Чрезвычайно важно, что разные переводы делались часто с разных же оригиналов — с рукописей различных редакций.

На основании особенностей перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия Н. А. Мещерский устанавливает группу греческих списков,

¹ И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905. С. VII—VIII.

² В. М. Истрин. Новые исследования в области славяно-русской литературы. — ЖМНП, 1914, № 6. С. 367.

³ Там же.

к которым ближе перевод. Эта группа позволяет судить о том, какой греческий текст был в руках у древнерусского переводчика.

Особенности эти такие. Вместо города Гиппона в древнерусском переводе стоит город Иоппия, как в части греческих списков.

Древнерусский текст сообщает, что Веспасиан взял Гадаро, не Габаро (*τὸν Γαβάρῳ*), как в основных греческих списках, — и этот Гадаро находит себе соответствие в части греческих списков.

Древнерусский переводчик пишет об «асурах», пленивших Кивот, тогда как в основном греческом тексте значится: ἀλλὰ τὴν αὐτὸν Σύρον ἀρπαγεῖσαν ἄγιαν ἦμιν λάρυακα. Но в части греческих списков стоит ὅπ' Ασσυρίων.

Проверяя таким же образом остальные отличия древнерусского перевода от основного греческого текста, Н. А. Мещерский установил ту группу списков, с которых был сделан древнерусский перевод. Вместе с тем анализ древнерусского текста позволяет утверждать, что тот недошедший список, к которому восходит древнерусский перевод, отличался большей точностью и сохранностью текста, чем все дошедшие до нас греческие списки¹.

Два разных греческих текста установил И. Е. Евсеев в основе перевода пророческих книг. Переводы выполнены разными переводческими приемами, причем первая «школа переводчиков» выполняла их с греческого текста константинопольской редакции, а вторая — Александрийской². Нередко перевод правился вторично по тому же оригиналу. Так, И. Евсеев отмечает, что паримийская редакция перевода книги Даниила в XIII или XIV в. подвергается частичному исправлению по греческому тексту³.

Очень часто различные чтения одного и того же места в разных списках переводного памятника объясняются тем, что перевод исправлялся по другому оригиналу. Иногда перевод выполнялся второй раз, и при этом принимался во внимание первый перевод. В других случаях редактор соединял различные переводы, не справляясь с оригиналом, и в результате в новой редакции переводного памятника появлялся рядом дважды по-разному переведенный один и тот же текст. Если вспомнить, что переводы при всем том часто бывали сокращены самими переводчиками или переписчиками, расширены гlossenами и интерполяциями, включены в состав сводов и соединены с другими произведениями, — то нам станет понятным, что жизнь переводного памятника в целом бывает еще более сложной, чем жизнь оригинального. Она имеет все сложности оригинального и добавляет к ним свои, связанные с наличием греческого оригинала, часто «вмешавшегося» в жизнь перевода уже после того, как перевод сделан⁴.

¹ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 73—74.

² И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. С. IX—X.

³ Там же. С. XL—XLI.

⁴ См. различные сложные комбинации, в которые вступает текст перевода книги пророка Исаии: И. Е. Евсеев. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897. С. 7 и сл., 19, 24.

Попытаемся показать сложность текстологической истории переводов на примерах исследования В. П. Адриановой-Перетц «Жития Алексея Человека Божия». Прежде всего В. П. Адрианова-Перетц устанавливает, что существуют две версии этого переводного произведения — версия Троицкая и версия Златоструя. Анализ их текста показывает, что перед нами разные переводы, сделанные с близких, однако не совпадающих между собой греческих оригиналов¹.

В переводе Троицкой редакции есть следы знакомства с редакцией Златоструя. «Кроме нередких случаев совпадения обеих редакций, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — в одинаковой передаче греческого оригинала, к этой мысли приводят нас два места Троицкой редакции, в которых как бы чувствуется соединение двух чтений — старого и нового. Описывая благочестие Евфимиана, его щедрость, Троицкая редакция говорит, что он

сам же в 9 час вкушаše хлеба с
страньными и с черньци и с нищими
ядяше хлеб свой. (Троицкая).

сам же в 9 час вкушаše хлеба с
чрыньци и с (мимоходящими) ниш-
тими. (Златоструй).

Сравнивая эти два чтения, мы видим в Троицкой редакции ненужное повторение, вызванное, может быть, тем, что перед глазами переводчика находился греческий текст, в котором вслед за перечнем сотрапезников Евфимиана было добавлено: ἥσθιεν τὸν ἄρτον αὐτοῦ...

Другой пример повторения мы имеем в конце жития, где читаем следующее описание исцелений от мощей св. Алексея:

елико же бо их недужных видеша
и свободишася от всякоя болезни,
елико же их болящих приступиша
к нему, все ицелишася. (Троиц-
кая).

елико бо недужьник приступи к
нему выси исцелеша. (Златоструй).

И в данном случае перед нами опять явное повторение: переписан старый перевод, а рядом добавлена новая передача сходного греческого оригинала.

Эти факты и заставляют нас допустить, что Троицкая редакция частью повторила старый перевод Златоструя, частью исправила и главным образом дополнила его по более распространенному греческому оригиналу².

Еще более сложная картина перевода «Жития Алексея» в Макарьевских Великих Четырех-Минеях. Сопоставление текста «Жития» в этих последних

¹ В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 97.

² Там же. С. 98.

с редакциями Златоструя и Троицкой показывает, что «количество отклонений макарьевского текста от чтений редакций Златоструя и Троицкой весьма значительно; однако мы не можем рассматривать его как новый перевод жития в целом, независимый от древнейших. Этому препятствует не только близость Макарьевского извода к последним на протяжении всего осталного текста за исключением приведенных отступлений¹, но еще больше наблюдаемое иногда механическое соединение старого и нового чтений».

Например, в описании горя матери после исчезновения Алексея мы читаем в Макарьевской редакции: «отверьзе оконцо мало възглавии себе и отверьзе събе на просвещение ея и припаде к оконцу...». Повторение глагола «отверьзе» произошло потому, что к чтению редакции Златоструя — «отверьзе оконце възглави своем», соответствующему греческому — ἦνοιξεν θυρίδα προσαφήν αὐτῇς... — прибавлен новый перевод того же места по другому, несколько отличающемуся греческому оригиналу:

Макарьевская редакция

и отверьзе събе на просвещение ея и припаде к оконцу.

ἦνοιξεν θυρίδιον πρὸς τὴν τοῦ φωτὸς αὐγήν...
καὶ προδέπεσεν πρὸς τὴν θυρίδα...

Несколькими строками ниже читаем: мать обещает не выходить из ложницы, пока не узнает о своем сыне, «что бысть, камо ся де». Обычное чтение старого перевода «камо ся де», но в греческом оригинале стоит — τὸ τί γέγονεν, что и было переведано еще раз при сохранении прежнего чтения. Следует отметить, что оба эти примера взяты из отрывка, подвергшегося особенно значительному исправлению...

Ниже читаем обращение Алексея-нищего к отцу. Его просьба в старших переводах начинается следующими словами:

рабе божий, помилуй мя убогаго (нища — Троицкая) страньна и не дей мене во дворе своемь (створи мене в дому твоемь — Троицкая).

Δοῦλε Κυρίου, ποίησον
ἐντολὴν εἰς ἐμὲ τὸν
πτωχὸν καὶ πένητα
[μετ ἐμοῦ ἔλεος] καὶ
δέξαι με εἰς τὸν οἰκόν
σου...

В макарьевском тексте находим комбинированный перевод, где каждая часть просьбы повторена дважды — в старом и новом переводе: «Рабе госпо-

¹ Перед этой цитатой В. П. Адриановой-Перетц было приведено довольно много отклонений текста Макарьевских Четырех-Миней от текста Златоструя и Троицкого списка.

день, помилуй мя и сътвори заповед на мне нищем и убоземь и да почию в дому твоем и не дей мене в дворе твоем". Еще один пример двойного перевода одного и того же греческого оригинала дает следующее место. Когда царь и весь народ направляются к дому Евфимиана на поиски святого, то мать "завесила бяше оконце завесою", что соответствует греческому: ἀπλόβασα σάβανα βαμβικίνα ἐν τῇ θυρίδι αὐτῆς... Макарьевский текст, повторяя и старое чтение, дает рядом новый более точный перевод того же выражения: "простерши понявицу бумажную в дверцах ея, завесила бяше оконце завесою"»¹.

В целом перевод Макарьевских Четырех-Миней делался следующим образом. В основу был положен древний перевод Троицкой редакции. Перевод этот проверялся по греческому оригиналу, тип которого также установлен В. П. Адриановой-Перетц. Исправления составителя Макарьевской редакции коснулись не только отдельных чтений, но и расположения материала. Отдельные чтения Троицкой редакции заменялись новым переводом, чтобы приблизить текст к греческому оригиналу. Однако если в редакции Златоструя необходимые чтения уже были, составитель Макарьевской редакции вставлял готовый перевод, чем облегчал и сокращал для себя труд перевода. В тех же случаях, когда составитель макарьевского текста переводил сам, он делал это, рабски следуя за своим греческим оригиналом².

Помощь оригинала при анализе разнотений и конъектурных исправлениях перевода

При изучении разнотений списков переводного произведения необходимо принимать во внимание текст оригинала. В тексте оригинала текстолог находит опору для суждения о том, какое чтение следует признать древнейшим, и для конъектурных исправлений.

Так, в Архивском списке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия мы находим: «да имъть упование на камени единого». На месте этого бессмысленного «на камени» в греческом тексте имеем ἐν ἑδοί; следовательно, первоначальное чтение было «на мене». В том же Архивском списке читаем, что Помпий «слышав яко (Аристул. — Д. Л.)

¹ В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия. С. 103–104.

² Методика изучения текста переводных произведений затрагивается в многочисленных работах, касающихся критики текста Ветхого и Нового заветов. Назову, в частности, интересную книгу: H. J. Vogels. Handbuch der neutestamentlichen Textkritik. Münster in Westfalen, 1923.